

Сергей Рядченко

Укротитель баранов

Записки трезвого человека

1

Решил начать новую жизнь, и не с понедельника, как раньше, а прямо с воскресенья, и не с чего-нибудь, а с того, чтобы просто выполнить давнее обещание, потому что откладывать уже было просто некуда, просто даже уже опасно для собственного миропонимания с самоопределением, без которых, как известно, человеку эректусу в нашем горбатом мире просто никуда. Вот как вышло, что поутру принарядившись, мы с сыном взяли за руки и отправились в цирк на тогда еще улицу Подбельского ко всегда у нас Новому рынку.

Моросил наш декабрьский дождик, и продолжатель фамилии пяти с половиной лет от роду обеспокоился, где сейчас цирковые звери, не мокро ли им, не застудятся ль.

На афише значилось просто:

СВЕРДЛОВСКИЙ ЦИРК
НОВОГОДНЕЕ РЕВЮ
УКРОТИТЕЛЬ БАРАНОВ
ТИГРЫ
КЛОУНЫ
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЭКСЦЕНТРИКИ
ВОЗДУШНЫЕ ГИМНАСТЫ

Я прочел вслух, чтобы убедиться, то ли я читаю, а сын спросил:

– А разве тигры баранов не слопают?

– Признаться, Саня, баранов мне в цирке видеть еще не приходилось. Нет, честно. Не слышал, что их дрессируют. Ведь бараны ж!!!

- Ну, да, – сказал Саня. – Ну, точно.
- Но раз так, – сказал я, – поглядим. Это, наверное, горные свирепые звери весом, как два меня.
- А два тебя это как?
- Это вот так, смотри, килограмм так двести.
- Ого-го!
- Они, Санька, с утесов сигают вниз головой на собственные рога, и им хоть бы хны, представляешь?
- А ты их охотил?
- Я про них смотрел телевизор. Бьются они, Саня, друг с другом по несколько дней кряду.
- Что такое «кяду»?
- Без перерыва. И никто не отступает.
- А зачем они бьются?
- За место вождя. За прекрасную овечку.
- А как они бьются? Вот так?
- Да. И вот так тоже. А еще вот так. И вот так.

Сын засмеялся:

- Щекотно!
- Так что, думаю, они смогут за себя постоять. Вряд ли такие бараны станут легкой добычей для измочаленных в цирке тигров.

На вопрос об «измочаленных» ответом было «уставших, дальше некуда».

- А почему они устали?
- Потому что только ты не устаешь задавать вопросы. Все остальные имеют обыкновение, потрудившись, взять да устать.
- А тигры – они как потрудились?
- А вот так. И вот так.
- Щекотно! Нет, ну а правда?

Тогда я пустился в пространные рассуждения о том, что будь ты хоть зверем, хоть человеком, хоть преклонных годов, хоть молод, а все равно, коль неймаешь тебе достичь хотя б маломальского пуск-кай мастерства под солнцем (или под куполом), так придется, Санек, все ж сперва, хошь не хошь, а повкалывать тебе до седьмого пота. Вот. Надо полагать, что сынишка вроде, и я заодно с ним, приняли к сведению эту проповедь, ибо вздохнули с «э-хе-хей» и наконец притихли оба; и, миновав не без опаски, словно Сциллу с Ха-

рибдой, нафталиновых, с пафосом во взорах капельдинерш, ступили вдумчиво с правой ноги под долгожданные своды, где вникли с благоговением в дурманную атмосферу сего обиталища иных реалий.

Ароматы опилок, зверей и людей, отголоски страхов и восторгов, рисков и состязаний, крахов, фуроров, дружб, интриг и надежд, измен и любовей, полетов под куполом и падений всмятку, эх, вскружили мне голову и отволокли во мгновенном вихре назад на треть с лихвой века, когда и меня сюда тоже, вот так взяв за руку, привели под какой-то новенький с елочки-иголочки Новый год. Я забыл, а теперь вспомнил, что тут витает дух полнокровной жизни, дух неподдельной игры в самое себя, и сквозь все сквозь это проступает к тебе отовсюду непонятно, как – вопреки твоим мнениям или ж в угоду им, – зазывное предвкушение мистерии, без которой вдруг почему-то больше не обойтись. И хотя сегодня черед был уже не мой, а следующего, однако ж и я за компанию внятно испытал в себе дерзкую в ожидании чуда искристую невесомость, под стать той, из детства, когда бытие сладко манило окунуться в него с головой безо всяких оговорок, и многое, очень многое еще можно было решить совсем по-иному.

Что ж, убыванию во мне гравитации не стал я препон чинить. И, признаться, собой удивлен был.

Потому как шанс упустить равновесие и взять вдруг да шлепнуться носился повсюду тут, но по странности, говорю вам, многолетняя привычка контролировать ситуацию отошла от меня на цыпочках в сторонку и уступила место оголтелой жажде новогодних подарков. Вот вам и трезвость в выходной с утра пораньше. Так ведь и до слабоумия рукой подать.

– Гуляем, Саня? Да? Как по Питерской.

– Как по Пироговской, – сказал сей муж достойный.

От в избытке сквозящей тут иномерности и тугого, взхлеб, многозапашья Александр Иванович в канун представленья и себе пришел в немалый ажиотаж и, дабы совладать с ним, получил из рук отца без второго слова эскимо в испарине и стакан лимонада с орешками.

Впервые в цирке, Саня дал себе волю глазеть вовсю и помалкивать.

И представленья для нас для всех, пробил час, началось.

Санька вздрогнул от зычности шпрыхсталмейстера, но скоро приновился.

Не знаю, относится ли он к детям индиго, к новому у нас человечеству, может, что и не дотянулся, но по части приравливания, друзья, нам с вами, мастерам этого жанра, Санек, не откажешь, фору выдаст. Так что и я вслед за ним приналег и втиснулся в отведенное мне на том пиру пространство-со-временем.

Места, что мы заняли, были впритык к манежу, и поначалу это виделось преимуществом и работало всецело на преумножение детского восторга. Клоуны поливали нас слезами дистиллята и хохотали нам прямо в уши, эксцентрики норовили нас увлечь в швыряние бутафорией, а весьма юных лет, но уже безупречный престижиджитатор извлек у Сани из-за шиворота упитанного, с одышкой, кролика в цилиндре и новенькой жилетке.

– Щекотно?

– Не, мякенький.

– Хорошо, что не ежик?

– О, да, – сказал Санька. – Шутишь? Повезло.

Потом, как положено, со взмокшими ладонями и румянцем во всю щеку мы страшились за судьбы воздушных гимнастов, их было много, и одной гимнасточки, одной, а они все наперебой демонстрировали особое цирковое безрассудство, но оттого, что оно было цирковым и особым, и что проявляли его они, возможно, не столько на потребу тех, кто уплатил, сколько для себя самих, суть дела все-таки не менялась, и опасность оставалась опасностью, и мы б с Саньком, думается, желали б уже, чтоб они там все поскорее прекратили б уже вытворять свои трюки под куполом поголовно, и уже б поскорее сворачивались бы, пока не дошло до беды, уже б спускались бы себе, судьбу б не искушали б. И вздохнули мы наконец с облегчением, когда они отлаженной гурьбой пружинисто сошли из-под купольных высей к нам сюда на арену целыми и невредимыми, и она среди них.

– А они, если свалятся, то что им будет?

– А ничего.

– Ну, ушибутся?

– ...

– Или могут убиться?

– Ну, не свалились же.

– А могут?

– Не могут.

Фух.

Потом были силачи с гирями и ядрами, и нам с Санькой захотелось, воротившись домой, достать гантели из-под кровати.

– А мама разве не выкинула?

– Нет. Гантели нет пока.

А потом на арену вывалила вдруг гурьба разноцветного люду. И устроил этот люд там для нас настоящий – что бы вы думали? – балаган.

3

Я, конечно, слышал, что в Свердловске во все времена обитала фронда. И в перестройку, и в застой, и при Сталине, и еще до катастрофы семнадцатого, и логично предположить, что ведет она там свою историю со времен самих декабристов, если и того не ранее, ибо засылать в ту степь всяких инаких, сами знаете, повелось на Руси исстари. Вот они там век за веком и выковались на студеных ветрах в доселе невиданное и явили собой продвинутый нынче этнос, до которого нам с вами, друзья, как до горизонта. А растолковал мне про что там к чему раз как-то за полночь посреди дымного честного собрания в апартаментах с цифрами на двери 1614, где обитали в ту пору почти тезки Серега с Дауром, под самой крышей общежития ВГИКа по улице Галушкина, упиравшейся тогда еще мимо пожарного депо и высотки на курьих ножках прямиком через проспект Мира в вероухинских железных Рабочего и Колхозницу, друг моего, да, друга, режиссера с берегов Днепра, бесподобный, в нагайской шапке из волка, житель Томска карлик Володя, весельчак и умница, кандидат исторических и еще каких-то кибернетических наук. «Всего три таких нас, – растолковывал он. – Мы, Екатеринбург и еще, сам понимаешь, Новосибирск. Специфика, расскажу, у всех своя. Но Томск, старик, сам понимаешь, в первую очередь». В означенном центре ново-мыслящего этноса Володя в ту пору, чтоб вы понимали, препода-

вал не что-нибудь, а научный коммунизм, и это тем вечером послужило ему в его волках, да и нам кто в чем, благодатной почвой для особого веселья, и лишь те, кого темп олимпийский сморил прежде прочих, не из-за лени, а по малости закуси, не отпустили на сей счет никакой остроты. Вообще же вышло славно, потому что кто бы что бы там в том застолье кому бы ни нагородил ни с полусна, ни с бухты-барахты, никого в тот раз, представьте, потом не замели и даже не спрашивали, а времена еще были, скажу, очень даже метельными. Сразу после Брежнева. Ну и, стало быть, прямо перед Черненко. Да, вот как некогда проведаль я про храбрецов и умниц из далекого Зауралья. А если верить афише, то именно оттуда вырвался к нам сюда на арену весь этот скомороший завзятый люд.

С первым же взвизгом луженого голоса, с первой же беспардонной площадной выходки гурьба эта на арене хлестнула нас оттуда всех разом и каждого по потребностям тугим размашистым действием, таким, которое, не скажу за других, но я, тверезый и затеявший новое житие, никоим образом не чаял узреть в нашем с вами, дамы и господа, уважаемом всеми одесском цирке на дневном представлении для детей под эгидой елки предновогодней.

Жаль, поверьте, вот вправду жаль, что вас там не было. Потому как братья за пересказ тут, честно, безнадега та еще.

Усердно подбирая слова, можно, пожалуй, выразиться в том смысле, что нам предложили на арене, представьте, краткую историю, но не ВКП(б), а театра дель-арте от момента его возникновения по самые наши окаянные дни-денечки. Историю, друзья, в лицах, а вернее, конечно же, в масках.

Наверное, тот, кто затеял это, сызмальства был поклонником мэтра Феллини, потому что помимо зычных, наотмашь, итальянских словечек, возопиваемых со смаком там и сям, во всем в этом сквозил еще и напористый дух вечного круговорота, под стать которому вершатся, увлекая с экрана нас за собой, хороводы затей и судеб в лентах несравненного Федерико. Но тут в череду моих поспешных догадок вмешался страж места, на котором расположен наш дивный город, наш бесподобный Привоз с Дерибасовской, наш Приморский бульвар с Пушкиным и пушкой с фрегата «Тигр», с мэрией в колоннах под часами, с Гермесом в нише с мешком денег,

с Колоннадой – этой грацией среди граций – над портом, над морем, над грезами, с увенчанной Дюком Потемкинской лестницей, каких больше на свете не бывает, наш таинственный в скромности своей цирк у Нового рынка, наш Большой Фонтан с Дачей Ковалевского и наш Люстдорф с высоченным обрывом, ползущими дачами и тугими виноградниками, наши Пересыпь и Молдаванка, Слободка и Заставы, и Ближние Мельницы, Григорьевка с десантом, и Лузановка тут у нас, а как же, и Крыжановка, и гора Чумка, и заводы с винзаводами, и Еврейская больница, как монастырский анклав в дряхлеющем борделе, и длинная улица Мечникова, по которой сколько ни топай, мало что сыщешь, и полная исчезающей эзотерики Среднефонтанская – с тем ее от вокзальных задворок и до 5-го Бассейного тихим омутом за некогда деревянным мостом над разбегающимися отсюда во все концы Евразии рельсами, и там, в той запрятанной улочке за забором с чугунными воротами с номером четырнадцать бэ в сокрытом от случайного обывателя большом доме посреди большого с фонтаном двора явились и мы с вами на белый свет под гудки паровозов как-то на выходной в середине века к радости большого семейства; – и обманчиво бестолковая Водопроводная с полной (или частичной) неосмысленностью тока по ней замыслов и расстройств, объектов и субъектов, и филармония – шедевр архитектуры с плановым дефектом акустики, и батарея четыреста одиннадцать с подлодкой на пьедестале и ореховой рощей, что скоро станет, вот-вот, маленьким лесом, где, может быть, еще сыщется свой Робин Гуд, ну, не Маугли ж, и арка в Отраду напротив госпиталя на Пироговской, где вас на свой страх и риск еще могут взять да вылечить вопреки всему, и акватория гавани, созерцающую которую жизнь жить не жалко, и брусчатка Французского бульвара под разноцветной из конца в конец осенью, и Аркадия, какая есть, какая была и будет, – все это тут у нас с вами, целиком не постичь, но это мы, и это наше, – и явился мне тут страж места, на котором стоит наш город. Он, страж, блюститель прав и порядков, покровитель любви и закадычности, радушия и гостеприимства, а также клятв, договоров и subordinаций, явился вдруг невидимый из-под купола, то ли из чьей-то уборной; он представился Сторожем, потом Даром Федем или, можно, Федор-Иванычем. Он дыхнул мне за шиворот несусветными тарань-

ками со сливовицей и указал на огрех в моих умопостроениях. И вышло тут же, что коль пораскинуть мозгами, чего делать, конечно, мы ж знаем, не хочется, но, увы, пришлось, то сразу видно, что сегодняшней наш затейник никоим образом не одалживался у досточтимого мэтра Федерико, а припадал, как и сам мэтр, непосредственно к живительным истокам площадной комедии. Вот куда.

В любом случае загадочный из далекой Сибири управитель неуправимого предстал там для нас в тот день могучим адептом таких таинств, что нам, ординарным посетителям одесского цирка, в силу разных причин доселе неведомы; и спросить негде.

По арене вдруг пурпурной в серебре и позолоте промеж враз надутых вертепов и расфуфыренных кулисок носились влево-вправо и взад-вперед, выкидывая хамоватые коленца, персонажи из давней заморской жизни. Они, проныры, они, ловкачи, они, субчики и сводни, селадоны, резонеры и жеманницы, простаки и чванные, блюстители и крамольники, хитрецы, набобы, парвеню, старики и молодухи, разумники и оболтусы перемещали себя вплотную друг мимо друга и от нас рукой подать, и крутили в острых ракурсах сальто-мортале, и кувыркались не к месту на повышенных скоростях; они спотыкались, шлепались, пластались и шмякались, и вновь обретали упругую вертикальность, и все для того, чтобы снова страдать, дурить и дурачиться, рыдать горюче в сто фонтанов и звонко хохотом запускать петухов под самый купол, и трясти, трясти, трясти накладными и собственными фасадами и задворками, курдюками и бюстами.

Они, все эти нам Панталоны, Скарамуччи и Коломбины, Артамоны, Джиопполины, Арлекины, Охламоны, Педролины, Баланзоны и Труффальдины, Стентереллы и Пульчинеллы, Каравеллы, Капитаны и Докто́ры, слезы, визг, объятья, ссоры, срамы, драмы, ураганы, серебро-злато, басурманы, Жирандоли и Тартальи, Целомудрецы, Нахальи, Искусители в сутанах, Попечители в кафтанах, Хрены, Редьки и Петрушки, Топинамбуры, Простушки, Сельдерей, Капрал, Субретка, Инженю, Майор, Нимфетка, Карабуцалка, Дрожалка, Панч, Апач, Дуршлаг, Скакалка, Хмырь, Бригелла, Офигелла, тут Фиаска, там Поспелла, Барин с Барынькой, Дылда с Маленьким, сто секретов от Полишинеля, Субалтерн, Форейтор, Касандра, Емеля, – все они, кого ни хватись, двенадцать персона-

жей, перемноженные с двенадцатью, – ноль на ум, а наяву все сто сорок четыре заправских циркача нового времени, да, – создавали в отведенном пространстве и невесть откуда внахлест с ним, с нами рядышком, да-да, возбужденную, немислимую, выверенную до мизинца суматоху.

Они нам ее не демонстрировали, они нам ее подавали. И по их мановению мы, вкушавшие, причастились восторгу: всколыхнуло нас, и воодушевленные, мы проплыли над житием и отчаянием.

Блюстителю прав и порядков и здесь сослужил мне службу: надоумил глянуть на представленье глазами Саньки. Наклонился я к сыну и узрел, как уж было и сам себе догадался, что видимые из моего угла скабрезностей гейзеры и пульсары эротики там, на арене, под Санькиным ракурсом рядились в одежды уморительных проказ с репкой и бабкой и детских шалостей с тремя поросятами. Вот вам и чудо предновогоднее самое что ни на есть, и его в любой момент в любом месте больше, чем его самого, и вниманья нам от затеи той буфф, сякой-такой буффонады, каждому было хоть отбавляй.

Распрявившись, я воротил себе свое видение, и вдруг подумалось влет, из ниоткуда, что кроме прочего служится тут реквием по рухнувшей на всех на нас в тот день огромной империи. И чего вдруг? Ведь не знали еще ни о каких хитрых дядьках в ночи среди зубров в пуще Беловежской, ни о каком, скажи, лесном соглашении. Ведь не ведали ж, не гадали. А блеснуло вдруг тихой молнией, что Союз нерушимый рушится. А паяцы со скоморохами панихиду тут правят по нем (по СССР) и по ней (по империи), отпевают их на все голоса – в том смысле, что сквозь балаган с подачи их нам вдруг позволено видеть уже и слышать уже то, что пока еще не позволено. И хохочем мы тут над тем, над чем хохотать никто еще сверху отмашки нам не давал.

Вот так выбрались, доложу, наконец, елки-палки, в цирк мы на елку.

Действо многоликое, мистерия-стеб, свернулось, как и возникло, – враз. Без экивоков. Цирк!

– Ух ты! – сказал взмокший насмеявшийся Санька. – Это клоуны?

– Это их бабки с дедками.

– Шутишь?

– Это, Саня, бойкие персонажи со всех базаров старой доброй Европы. Так вот они себе тогда развлекались.

– А теперь?

– Время ушло.

– А в цирке осталось?

– Точно. Глаз-алмаз.

– А Европа почему добрая? Потому что старая?

Я кивнул.

– Это та, что на быке на Девятой станции?

– Ага.

– Так она там молодая.

– А разве стал бы себе Зевс умыкать старушку?

Санька засмеялся, обнял меня за шею и уткнулся в ворот свитера, дабы пережить, хоть наскоро, выпадавшие ему один за другим восторги. Я нашел уместным бегло поведать ему о комедии масок, с чем ее едят. Лидок была б недовольна. «Старичка делаешь», сказала б она.

– Молодцы, – сказал Саня, – эти дэльтарты. Я так никогда еще не смеялся, – он выморгал слезы и отстранился от колючего свитера. – А ты?

– А я давно.

– А когда?

Я пораскинул властью мозгами.

– Ну, пожалуй, когда родился.

Благодарная моя аудитория хохотнула, но сил смеяться все-речь больше не было.

– А все плачут, да? Ну, когда их рожают. А тети тоже бывают клоуны? А этот Панталоне, он плохой или хороший? А время, оно куда уходит?

– Ха. Знать бы.

– Ты не знаешь?! А кто к тебе приходил?

– Дар Федий. Сказал – можно просто Федор Иваныч.

– А он что, пивом дышит?

– Нет. Сливовицей. Но с таранькой.

И я был тут же вынужден, будьте уверены, растолковывать, что такое сливовица, где ее пьют и как готовят. Мне зачлось.

В антракте мы прошли по фойе с доставшимся нам не задорого заводным морским котиком, который в цепких руках юного дзюдоиста трещал ластами и крутил шаром на носу. Санек признался, что и к нему тоже, бывает, заходит поболтать Федор Иванович, только он у него другой и зовется иначе.

– А как же его величать?

– А не повторю, – сказал Саня. – Язык поломаешь. А маме тюлень понравится? – А тебе?

– А мне уже. А тебе?

– Пойдет, вроде, – сказал Саня. – Пойдет.

Дали звонок. И мы воротились на свои места у самой арены. Отзвонились вторые и третьи, свет в цирке прижмурился, а во вспыхнувшем на манеже круге софита возник шпрыхшталемайстер и с изыском на раскат баритоном всех регистров приказал нам ждать сюда вот-вот свирепых хищников Уссурийского края, самых крупных на свете тигриц и тигров под руководством знаменитого и лауреатного артиста Коми АССР укротителя Ярослава Баранова!!! Тут я и понял, что дрессированных баранов нам в тот день не видать. Но это и все, что я в тот миг понял. А встрепенувшееся по нутру предчувствие неладного отнесено было скорее к отсутствию решеток между нами с Александром с одной стороны и теми, кого нам тут зычно пророчили, с другой.

И хоть ждали их, объявили ж, но ворвались они внезапно вшестером или всемером, огненнополосые, влажноклыкие, хвостатые и усатые, с во все стороны рыками и зырками, и бесшумным шлепом огромных лап по манежу.

Отсутствие нашей от них защищенности повергло меня, скажу, в оторопь. Так что лишь спустя полпредставленья я допер-таки, что укротитель Баранов этот – это тот самый, мой, наш, Ярик Баранов, с кем мы бедовали плечом к плечу в чужих горах и жрали одну на двоих тушенку.

– Нету баранов? – сказал Санька. – Ты понял?

– Нету, – признал я. – Баранов нету. А это Баранов. Вот, сам-сусам.

– А-а, – сказал Саня. – Укротитель? Да?

– Может быть.

Сын потянул меня за рукав и прошептал в ухо:

– Па, а мне страшно.

– Мне тоже, – шепнул я. – Но если мы вытерпим и не сбежим, так нас и не цапнут.

А тигры меж тем – им было не до нас, им было там чем заняться – ходили, фыркая, на задних лапах, прыгали сквозь огонь и друг через друга и позволяли их повелителю, царю всех зверей, просовывать в пасть к себе его римско-мраморных форм башку со взмокшей шевелюрой. Цирк замирал, а потом аплодировал. Трижды, четырежды, десятикратно. Под очередную овацию укротитель Баранов мановением своего жезла велел тиграм убраться с манежа, и те ретировались один за другим, и за последним занавес сомкнулся.

Под бравурные звуки оркестра, и все еще принимая звонкое одобрение публики, Баранов раскланялся на три стороны, а потом в очереди прочего подбежал вдруг к нам с Санькой и глянул мне в переносицу:

– Ну, что, Иван, устался? Прошу ко мне в пенаты, – и протянул нам обе руки. – Теперь и я вас, друзья, как следует наконец разгляжу. Кого заново, а кого и впервые.

Он выдернул нас из публики вверх красного с потертым плюшем периметра, что отделяет тех от этих, и мы с Санькой ступили в опилки на пружинистый манеж и, словно дети, под новый взрыв аплодисментов и оркестровый туш пошагали за руки с Барановым через ослепительное нагое пространство в закулисную неизведанность.

– Улыбнитесь, друзья, – сказал нам Баранов. – Все равно никто не поверит, что вы не подсадные.

Редколлегия альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» поздравляет Сергея Ивановича Рядченко с 60-летием.

